

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; противостойте ему твердою верою».

(1 Петр. 5:8-9)

«Все противное истине составлено из самой истины по действию духов лжи».

Тертулиан

УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

М.А. НОВОСЕЛОВ

ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ

ПИСЬМО ВТОРОЕ

27. XII-1922 г. св. апостола, первоученика и архидиакона Стефана.

Дорогие друзья мои!

Вы пишете, что первое письмо мое, в ответ на ваш запрос о "Живой Церкви", принесло пользу тем, что пролило свет не только на явление, именуемое "Живой Церковью", но, что, по вашим словам, еще важнее, на существо единой истинной Церкви, от которой отпала "Церковь живая". И вы просите, чтобы я почаще делился с вами своими мыслями по "вопросам веры и Церкви".

"Христианство есть великая тайна", - сказал преп. Макарий Великий (Египетский). Тайна и Церковь неразрывно связаны с христианством, ибо христианства нет без Церкви.

По собственному опыту и еще более по наблюдению над другими знаю, как трудно сразу принять и усвоить мысль о неразделимости христианства и Церкви, но после многих переживаний и дум я давно убедился до последней наглядности, до невозможности мыслить иначе, в указанной неразрывности Христова благовестия и Церкви.

Итак, Церковь - тайна и вместе - таинство: тайна - для естественного ума, своими силами пытающегося проникнуть в существо Церкви, таинство - для души, силою Божией приобщившейся вечной жизни, сокрытой в Церкви и составляющей существо Ее.

Церковь - тайна, ибо, с одной стороны, она не отвлеченное понятие, подлежащее рациональному определению, с другой - не внешнее учреждение, не общество, не организация, которые можно было бы точно описать или указать перстом.

Церковь не имеет точных, адекватных самоопределений, кроме иррационального, таинственного определения Апостольского: "Тело Христово". Все другие многообразные определения частичны и условны и не охватывают сущности Церкви. Некоторые учителя церковные пользуются одновременно разными, более близкими и более далекими от существа Церкви, образами, чтобы приблизить понятие Церкви к нашему разуму. Так, у великого таинозрителя св. Германа, патриарха Константинопольского (известного своей ревностной борьбой с ересями монофелитской и иконоборческой), мы находим следующее многоценное изображение Церкви, которое совету прочесть со вниманием и вникнуть в него:

"Церковь есть храм Божий, место священное, дом молитвы, собрание народа, тело Христа, имя Его, невеста Христа, призывающая людей к покаянию и молитве, очищенная водою святого крещения, окропленная честною Его кровию, облеченная в брачную одежду и запечатленная миром Святого Духа, по слову пророческому: "миро излиное имя Твое" и "в вою мира Твоего течем" (Песн. 1,2-3); ибо Он - яко миро, текущее со главы на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его. Иначе: Церковь есть земное небо, в котором живет и пребывает пренебесный Бог. Она служит напоминанием распятия, и погребения, и воскресения Христа, и прославлена более Моисеевой скинии свидения: она предображена в Патриархах, основана на Апостолах, -

в ней-то истинное очистилище и Святое Святых, - она предвозвещена Пророками, благоуукрашена Иерархами, освящена Мучениками и утверждается престолом своим на их священных останках. - Иначе: Церковь есть Божественный дом, - где совершается таинственное, животворящее жертвоприношение, - где есть и внутреннее святилище, и священный вертеп, и гробница, и душепитательная, животворящая трапеза, - где <найдеши> перлы Божественных догматов, коим учил Господь учеников Своих".

Легко заметить, что св. Герман говорит здесь одновременно о церкви-храме, о церкви-собрании, о Церкви - теле Христа, о Церкви - Имени Христовом, в силу их внутренней мистической связи.

Из этого прочитанного отрывка вы видите, как трудно, чтобы не сказать - невозможно, естественному разуму проникнуть за завесу церковную. Тайна Церкви зрится только духовными очами.

Для некоторого уяснения существа Церкви считаю не лишним воспользоваться рассуждениями об этом предмете А. С. Хомякова. Рассуждение это не претендует на догматическое достоинство, но оно приближает нас к учению апостольскому и проткрывает смысл последнего. "Церковь, - говорит Алексей Степанович, - есть ... единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати".

Подводя нас к определению Церкви, данному ап. Павлом, указанное определение Хомякова подтверждает раньше, и в этом письме, и, кажется, в предыдущем, высказанную мною мысль, что Церковь, в существе своем, не есть видимое общество, собрание, организация, как обычно думает подавляющее большинство "верующих". Мы потому и говорим, что веруем в Церковь, что Она - тайна и непостижима для плотского ума, а открывается оку веры.

Исповедуя свою веру в самое себя в Никейском символе ("верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь"), Церковь "показывает, - читаем у А. С. Хомякова, - что знание об ее существовании есть... дар благодати, даруемой свыше и доступной только вере, а не разуму. Ибо какая бы мне была нужда сказать верую, когда бы я знал? Вера не есть ли "обличение невидимых" (Евр. 11,1)? Церковь же видимая не есть видимое общество Христово, но Дух Божий и благодать таинств, живущих в этом обществе. Посему и видимая Церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только обряд, и церковь только общество. Верующий, хотя глазами тела и разума видит Церковь только в ее внешних проявлениях, но сознает ее духом в таинствах, и в молитве, и в богоугодных делах. Посему он не смешивает ее с обществом, носящим имя христиан, ибо не всякий говорящий "Господи, Господи" действительно принадлежит роду избранному и семени Авраамову".

Итак, следует различать Церковь-Организм от Церкви-организации: не всякий, входящий в последнюю, причастен первой, не все члены церковной организации ("общества, носящего имя христиан" - по Хомякову) суть члены организма - Тела Христова, которое вбирает в себя, втягивает таинственным способом лишь "избранных" (Мф. 22,14), "предустановленных к вечной жизни" (Деян. 13,48). Основу, стержень, костяк этого Организма-Церкви составляют духовно-совершенные. Эту мысль ясно выражает знаменитый отец Церкви, священикомученик III-го века, Мефодий - епископ Патарский. Вот что находим, между прочим, в одном глубокомысленном его рассуждении о соиздании Тела Христова (приво- жу из этого рассуждения лишь несколько

строк):

"Совершеннейшие по степени преуспевания составляют как бы одно лицо и тело Церкви. И подлинно лучшие и яснее усвоившие истину, как избавившиеся от плотских похотей чрез совершенное очищение и веру, делаются Церковью и помощницею Христа, как бы девою, по словам Апостола, соединяясь с Ним и уневеживаясь Ему, чтобы, приняв чистое и плодотворное семя учения, с пользою содействовать проповеди для спасения других".

Что касается немощных - "новоначальных", то они в церкви-организации приуготовляются, так сказать, к переходу (таинственному, незримому) в Церковь-Организм, в Церковь - Тело Христово, чему содействуют усовершенствовавшиеся и укоренившиеся в Телесном Христовом.

"Несовершенные и еще начинающие спасительное учение, - продолжает свою мысль св. Мефодий, - возрастают и образуются, как бы в материнском чреве, от более совершенных, пока они, достигнув зрелости-возрождения, приобретут величие и красоту добродетели, и потом по преуспевании сами, сделавшись Церковью, будут содействовать рождению и воспитанию других детей... осуществляя волю Слова".

Итак, мера святости определяет силу связи христианина с Телом Христовым. Эта мысль богомудрого священикомученика, которая есть, конечно, и мысль святой Церкви, ясно выражается в молитве, читаемой иереем над кающимся, после исповеди: "Попадждь ему образ покаяния, прощение грехов и отпущение... Примири и соедини его Святей Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем".

Не ясно ли, что Церковь мыслит человека, обремененного грехами, как бы оторвавшимся от нее или, по крайней мере, ослабившим свой союз с нею, находящимся как бы в чине оглашенных, о которых Церковь за литургией и молится теми же словами, какими иерей о кающемся.

Исповедь, очищая от грехов, облегчая груз греховный, снова подтягивает христианина к Церкви, восстанавливает нарушенную беззакониями связь с Нею. В полноте совершается это восстановление в следующем за исповедью величайшем таинстве Тела и Крови Христовых, разумеется, если таинство приято достойно, т. е. "со страхом Божиим, верою и любовию". Здесь мы подходим к заключительному пункту нашей беседы, которым я и закончу свое слишком разросшееся письмо.

Все таинства освящают человека, освящают его и святейшее Имя Божие, благоговейно призываемое, и животворящий Крест, с верою лобызаемый и возлагаемый. Но особенную силу освящения, обожения человека имеет воистину страшное, святейшее таинство Евхаристии, делающее человека подлинно "причастником Божеского естества" (2 Пет. 1,4). Это таинство составляет, если так можно выразиться, сердцевину Церкви. Оно есть "средоточие мистической жизни Церкви", "таинственный центр единства церковного". Вот что говорит о взаимоотношении св. Таин с Церковью благоговейный и глубокий религиозный мыслитель, можно сказать - учитель Церкви, Николай Кавасила (XIV в.).

"... Церковь указывается Тайнами <...> как сердцем указываются члены, как корнем дерева - отрасли и, как сказал Господь, как виноградного лозю - ветви: ибо здесь не одинаковость только имени, и не сходство подобия, но тож-

ество дела, так как Тайны суть Тело и Кровь Христа. Для Церкви Христовой они - истинная пища и питье; и, причащаясь их, она не превращает их в человеческое тело, как какую-нибудь другую пищу, но сама превращается в них, потому что лучшее пересиливает худшее. Так и железо, сообщившись с огнем, само становится огнем, а не огонь делает железом. И как в раскаленном железе мы обыкновенно видим не железо, но огонь, от того, что свойства железа совершенно закрываются огнем; так, если бы кто мог увидеть и Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем другим, как только Телом Господним. По этой-то причине Павел пишет; "вы есте тело Христово и уди отчасти" (1 Кор. 12,27). Не для того, чтобы означить попечения Христа о нас, Его пестунство и руководство, и наше Ему подчинение, Его Павел назвал Главою, а нас - телом, подобно тому, как и мы, выражаясь усиленно, называем родных или друзей сынами: но для выражения именно того, что говорил, именно - что верные чрез сия Кровь уже живут жизнью во Христе, истинно соединены с тою Главою и облечены сим Телом. Посему нет ничего неестественного в том, что здесь Тайнами означается Церковь".

Углубитесь вниманием в этот небольшой отрывок, друзья мои, и сообщая осмыслите его содержание, вдумавшись в каждое слово. Сопоставьте его с приведенными выше словами св. Патриарха Германа и уясните себе связь между Церковью - Телом Христа и церковью-храмом, в котором совершается величайшее таинство Тела и Крови Господних, вообще благоговейно продумайте все написанное, от святых Апостолов и Отцов приятное, и молитвенно воздохните о писавшем, очень нуждающемся в ваших молитвах.

В следующем письме, если Господь благословит, возобновится беседа о Церкви, так как предмет этот, по своей глубине и неизмеримому значению, заслуживает исключительного внимания. Но будем помнить, что проникновение в тайну Церкви дается, как сказано, не рефлектирующему знанию, а уму, просвещенному верою, и потому возопиим из глубины сердца:

"Воспеваю благодать Твою, Владычице, молю Тя, ум мой облагодати". Аминь.

Покров Богоматери да будет над всеми нами.

Любящий вас брат о Господе...